

ИЛЬЯ ЯРОСЛАВИЧ – ЗАБЫТЫЙ СЫН ЯРОСЛАВА МУДРОГО

© 2022

Абуков С.Н.

Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Аннотация. Статья посвящена обстоятельствам биографии старшего из сыновей Ярослава Мудрого Ильи, происхождению и месту погребения его матери. Автор убежден в реальности существования этого князя, несмотря на его единичные упоминания в источниках и сомнение ряда исследователей в данном вопросе. Его историчность, как и дополнительные детали биографии, выстраиваются на основании косвенных данных, благодаря которым этот старший сын Ярослава Мудрого приобретает конкретные черты. Илья Ярославич был новгородским князем в период борьбы отца за Киев. В то же время представляется, что Илья Ярославич умер очень юным и поэтому не мог вступить в брак. Его предполагаемая жена, сестра Кнуда Великого, была замужем за кем-то из сыновей Владимира Святославича. Что касается матери Ильи, то ее происхождение трудно установить, как и место ее погребения. Признанные в XV в. останки в новгородском Софийском соборе едва ли принадлежат первой жене Ярослава Мудрого. По крайней мере, она была не старой женщиной и умерла задолго до строительства собора. Вообще, в этом соборе имеется очевидная путаница с некоторыми погребениями, что затрудняет их идентификацию. Факт последующего замалчивания Ильи Ярославича в источниках вытекает из-за происхождения этого князя от первого брака отца, в отличие от всех остальных сыновей, которые рождены от второй супруги Ярослава Мудрого. Второй причиной фактического исключения князя из династии Рюриковичей была ранняя смерть Ильи на севере Руси.

Ключевые слова: Илья Ярославич; Ярослав Мудрый; Рюриковичи; Русь; князь; брак; Новгород; Киев; родство; жена.

ILYA YAROSLAVICH – THE FORGOTTEN SON OF YAROSLAV THE WISE

© 2022

Abukov S.N.

Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People's Republic)

Abstract. The paper is devoted to the circumstances of the biography of the eldest son of Yaroslav the Wise Ilya, the origin and burial place of his mother. The author is convinced of the reality of the existence of this prince, despite his single mentions in the sources and the doubt of a number of researchers in this matter. His historicity, as well as additional details of his biography, stand on the basis of indirect data, thanks to which this eldest son of Yaroslav the Wise acquires specific features. Ilya Yaroslavich was the prince of Novgorod during his father's struggle for Kiev. At the same time, it seems that Ilya Yaroslavich died very young and therefore could not marry. His supposed wife, the sister of Knud the Great, was married to one of Vladimir Svyatoslavich's sons. As for Ilya's mother, it is difficult to establish her origin, as well as the place of her burial. The remains recognized in the XV century in the Novgorod St. Sophia Cathedral hardly belong to the first wife of Yaroslav the Wise. At least she wasn't an old woman and died long before the cathedral was built. In general, there is an obvious confusion with some burials in this cathedral, which makes it difficult to identify them. The fact of the subsequent silencing of Ilya Yaroslavich in the sources follows from the origin of this prince from his father's first marriage, unlike all other sons who were born from the second wife of Yaroslav the Wise. The second reason for the actual exclusion of the prince from the Rurikids was the early death of Ilya in the north of Rus'.

Keywords: Ilya Yaroslavich; Yaroslav the Wise; Rurikovich; Rus'; prince; marriage; Novgorod; Kiev; kinship; wife.

Первые поколения древнерусских князей, традиционно именуемых Рюриковичами, известны далеко не в полной мере. Практически все князья, упоминаемые в летописях, вышли из детского возраста и начали самостоятельную деятельность. Иначе говоря, мы не знаем ни одного княжича, умершего в более ранний период жизни. Средневековая смертность младенцев и детей и среди элиты этого времени была достаточно высокой, что видно на примерах западноевропейских собратьев русских князей, лучше отраженных источниками. Если мы добавим к этому канувшую в Лету родню Игоря Старого из договора с греками 944 г., княжон (а таковые наверняка были не только среди дочерей Владимира Святославича), как и возможное число забытых отпрысков, особенно бастардов, то наше представление о числе членов

правлящего на Руси княжеского рода в X – перв. пол. XI вв., может приблизиться к реальному положению дел. Впрочем, эти гипотетические генеалогические лакуны едва ли когда-либо будут заполнены конкретными именами.

Но и биографические сведения и об известных Рюриковичах фрагментарны. Их даты рождения или неизвестны, или сомнительны; даты браков, за исключением нескольких примеров, вытекающих из контекста событий, не отражены в источниках. Мы знаем только жену Игоря, мать Владимира Святославича, его жен и двух его невесток: жену Святополка и вторую жену Ярослава Мудрого. Все остальное можно отнести к области более-менее правдоподобных догадок. Ценность подобной информации важна, так как период Древней Руси невозможно

представить без потомков Рюрика, а события их жизни и деятельности становились событиями истории молодого Древнерусского государства.

Семья Ярослава Мудрого лучше отражена письменными памятниками. Причем о дочерях сообщают западные источники исключительно благодаря их бракам, что весьма показательно и демонстрирует характерное невнимание летописцев к женской половине семьи этого киевского князя в частности и древнерусских князей вообще. Но если информация о детях киевского князя от Ингигерды содержится в «Повести временных лет», то о самом старшем из Ярославичей – Илье – там нет ни слова. Судьба Ильи Ярославича остается во многом загадочной. Его упоминание в источниках новгородского происхождения, отсутствие сведений о супруге и княжеском имени, которое у него должно было быть, – словом, любых других известий – делало его существование почти легендарным. Причины такой забывчивости самого старшего из сыновей Ярослава в источниках нуждается в более предметном рассмотрении, как и попытка реконструкции его происхождения и жизни.

Большой вклад в изучение возможного брака Ильи Ярославича внес А.В. Назаренко, посвятивший данной проблеме статью [1]. Можно сказать, что само упоминание этого князя в работах уже можно считать важным обстоятельством. Это касается, например, авторов как фундаментальных исследований [2, с. 200; 3, с. 210], так и комментариев к летописным текстам [4, с. 84, прим. 1 к 1020 г.]. В то же время далеко не все историки включали его в число сыновей Ярослава Мудрого. Крупнейшие специалисты по генеалогии не обходили его своим вниманием, помещали в родословные схемы [5, р. 7; 6, с. 42–43; 7, с. 305]. Впрочем, есть и те ученые, которые считают его личность легендарной [8, с. 67]. Еще одним аспектом изучения жизни Ильи необходимо считать его необычное для первых Рюриковичей христианское имя [9]. Следует также отметить проблему происхождения матери князя, первой жены Ярослава Мудрого, которая затрагивалась в публикациях [10], как и место ее возможного захоронения [11]. Последний вопрос находится в тесной связи с исследованиями останков, обнаруженных в новгородском и киевском Софийских соборах, их состояния, важного для идентификации и определения их возраста, представленными в Кратких сообщениях Института истории материальной культуры [12; 13]. Однако в целом следует признать, что в работах Ильи Ярославича занимает некое особое положение среди потомков Ярослава Владимировича, а исследователи не всегда «вспоминали» о нем или признавали его существование. Как видим, имеет место несколько аспектов, которые интересовали историков в связи с Ильей.

Итак, среди многочисленного потомства киевского князя Ярослава Владимировича Мудрого как бы отдельно стоит его старший сын Илья. Несмотря на отмеченный выше скепсис, нет оснований сомневаться в его существовании. Он упоминается в статье в древнейшей из сохранившихся летописей – Новгородской Первой летописи в обоих изводах в списке новгородских князей («А се князи Великаго Новгорода») [14, с. 161, 470]. Причем это, можно сказать, небольшой рассказ об основных вехах его жизни: «И родися у Ярослава сынъ Илия, и посади в Новгороде, и умре», то есть рождение, княжение, смерть. С этим логически связано следующее летописное со-

общение об опале и заточении посадником Коснятина Добрынича, к чему мы еще вернемся ниже. Обычно считается, что это единственное упоминание об Илье, однако о нем же сообщает летопись Аврамки XV в., повторяющая аналогичное известие о нем в Новгородской Первой летописи [15, стб. 313]. Трудно представить, что все эти подробности были выдуманы. По крайней мере, все указанные в списке новгородские князья являются историческими, известными по другим данным [14, с. 161–163, 470–471]. Скорее, мы можем предположить пропуск кого-то из Рюриковичей на новгородском столе, чем вписывание несуществующего князя. При этом отмечается, что это князья со времени принятия христианства и открывает список Вышеслав Владимирович, старший брат Ярослава Мудрого. Можно было бы посчитать, что Илья – это христианское имя Владимира Ярослава, но из летописей очевидно, что Илья не тождественен брату Владимиру. Это два разных князя, правившие в Новгороде, друг за другом, как и отмечено в упомянутом списке [14, с. 161]. К тому же, время жизни Ильи в контексте истории с посадником Коснятином приходится на более ранний период, чем деятельность Владимира. Первый умер около того времени, когда родился второй [16, стб. 146].

Исследователи согласны с тем, что это сын от первого брака Ярослава Мудрого. Это вытекает не из точных указаний источников, а из хронологии: женитьба на шведской принцессе Ингигерде состоялась тогда, когда Илья уже существовал, если не умер (1019 г.). Об этом косвенно говорит и ПВЛ, начиная отчет сыновей Ярослава от Владимира, называя Изяслава его вторым сыном, а Святослава – третьим [17, с. 79; 16, стб. 149].

Действительно, трудно считать, что Ярослав не был женат до Ингигерды, хотя его заявленный в летописи возраст на момент смерти в 76 лет едва ли отвечает реальности [16, стб. 162]. Во-первых, мы не знаем ни одного точно подтвержденного факта подобной продолжительности жизни среди князей Рюриковичей X–XV вв. (быть может, за исключением ростовского князя Андрея Федоровича, прожившего, вероятно, 78–80 лет). К тому же Ярослав страдал патологией костей правой ноги [13, с. 52–55]. Во-вторых, князь родился после захвата Полоцка отцом и пленения Рогнеды, что никак не могло случиться около 978 г. (даже при всей относительной хронологии IX–X вв.) [16, стб. 76]. На это обстоятельство обратил внимание еще С.М. Соловьев [3, с. 312, прим. 297]. Ярослав был одним из трех или четырех сыновей Владимира от Рогнеды, а были в этом союзе и дочери. Исследование костных останков киевского князя В.В. Гинзбургом дает возраст Ярослава в 60–70 лет – это в третьих [12, с. 57]. Несколько иначе оценивал возраст князя Д.Г. Рохлин – старше 50. Однако его вывод дополняется следующим важным замечанием: «Таким образом, изучение скелета, найденного в склепе Софийского собора, подтверждает, что это – скелет Ярослава Мудрого. Мы имели возможность также установить, что летописные указания относительно года рождения Ярослава неправильны. Ярослав родился позже и, следовательно, жил в общем меньше 76 лет (по-видимому, лет на восемь меньше)» [13, с. 48, 56]. В указании возраста князя на момент смерти есть примеры его ошибочного исчисления летописцами [18, с. 6]. В данном слу-

чае возможно умышленное завышение возраста Ярослава с целью легитимизировать его права на власть в Киеве [19, с. 274–276].

Летописи под 1016 считают князю 28 лет. Но если в Лаврентьевской – это годы правления, то в Ипатьевской – годы жизни [16, стб. 162; 20, стб. 129]. Исследователи посчитали, что речь идет именно о времени правления с 988 г., но за это время князь сменил, как минимум, два стола, и непонятно в таком случае, где же он правил столько лет. Да и само распределение столов между сыновьями Владимира Святославича с указанием 988 г. весьма условно [16, стб. 121]. Как представляется, в данном контексте летописец привязался к дате перераспределения столов. Действительно, в этом сообщении помимо прочего представлена, в частности, ретроспектива смены Ярославом ростовского княжения на новгородское, что никак не могло произойти в указанный год, хотя мы и не знаем, когда это случилось на самом деле, то есть когда он сменил в Новгороде своего старшего брата Вышеслава Владимировича, так как татищевское известие о смерти последнего в 1010 г. принято историками как факт, хотя его никак нельзя проверить другими данными [21, с. 70; 7, с. 246]. Есть указание, что Ярославу на момент смерти было 66 лет [8, с. 459–460].

Вообще, если с 988 по 1011 гг. Владимир был женат христианским моногамным браком на византийской царевне Анне, то когда же родились его 12 сыновей от других женщин, названных женами? Особенно интересны в таком контексте мать Бориса и Глеба и время их рождения. Либо святые братья родились до принятия христианства и на момент гибели их никак нельзя назвать юными, либо они – дети Анны, что не отражено в наиболее достоверных сообщениях, либо Владимир не оставил свои языческие привычки и оба князя – плод его внебрачных связей в период брака с греческой царевной. Титмар Мерзебургский пишет о киевском князе именно как о сексуально активном мужчине и после принятия христианства [22, с. 319]. Однако, если строго следовать источникам, то мы в данном вопросе наталкиваемся на взаимоисключающие противоречия.

Несколько облегчило бы задачу возраста Ярослава установление даты рождения Владимира Святославича, но она не известна и, в свою очередь, конструируется на основе спорной летописной даты рождения его отца Святослава Игоревича [20, стб. 34]. Бруно Кверфуртский в 1008 г. застал Владимира полным сил, а Титмар Мерзебургский, со слов информаторов, описывает его на момент смерти как глубокого старика (1015 г.) [22, с. 314, 319]. По крайней мере, около 969 г. Владимир был еще малолетним под опекой дяди Добрыни [16, стб. 69].

Если суммировать приведенные данные, то время рождения Ярослава однозначно относится к 80-м гг. X в. Попытка сузить рамки приводит нас к 984–988 гг., ближе ко второй дате. Так или иначе, Ярославу к моменту женитьбы на шведской принцессе было более 30 лет. Возраст весьма зрелый по понятиям времени. Было бы более чем странно, если б князь до этого не был женат.

О происхождении первой жены Ярослава нет никаких указаний. Его первый брак, скорее, пришелся на его ростовское княжение. Учитывая международный характер браков Владимировичей, можно предположить, что первой женой ростовского князя так-

же была иноземка. Обычно скандинавки были фабрикой невест для ранних Рюриковичей. Ссылаясь на участие норвежцев в междуусобице Ярослава, было высказано предположение о ее норвежском происхождении [7, с. 258]. Действительно саги пишут и о русско-норвежских контактах этого времени [10, с. 51–52]. Отметим только, что, как кажется, ближе по политическим и экономическим интересам к Северо-Восточной Руси, где долгое время правил Ярослав, была Волжская Булгария. Не исключено, что одной из многочисленных жен Владимира Святославича была болгарыня с Волги – мать Бориса и Глеба [23, с. 150–153; 14, с. 128]. Брак Владимира с местными мусульманскими династиями, возможно, связан с войной с болгарями под 985 г. (Никоновская летопись называет их «низовскими» [17, с. 42]) или с испытанием вер [14, с. 132]. Впрочем, нельзя исключить дунайское происхождение болгарской жены Владимира, что также сегодня имеет достаточно сторонников среди исследователей [24, с. 179]. Волжская Булгария к концу X в. представляла собой сильное независимое государство [25, с. 234]. Добрососедские отношения с таким объединением трудно переоценить для ростовского князя. Однако в Верхнем Поволжье существовали крупные скандинавские фактории, союз с лидерами которых мог быть важен для Ярослава [26, с. 206–217]. Действительно, интенсивные балто-волжские связи играли важную роль не только в экономике, но и в становлении раннеклассовых отношений в регионе [27, с. 60–61]. Таким образом, скандинавское или болгарское происхождение кажется предпочтительным. Впрочем, территориальная привязка может сослужить плохую службу. Вероятно, первый брак Ярослава был заключен в первые годы XI в.

Что касается места погребения этой первой жены Ярослава (она известна под поздним именем Анна, с которым и включена в справочники и таблицы), то большие сомнения вызывают ее предполагаемые останки в Софийском соборе в силу неразберихи и перемещения захоронений, когда в Новгороде гробницы и кости одних лиц принимались за другие [11, с. 111–113, 126]. Приписываемые останки принадлежат североевропейской женщине XI–XII вв. грациального типа 30–35 лет [12, с. 64]. Ее помпезное перезахоронение новгородским архиепископом Евфимием II как безымянной супруги Ярослава и матери Владимира Ярославича случилось в 1439 г. [14, с. 420]. При этом настоящая мать этого князя Инггерда погребена в одноименном соборе Киева и по возрасту не может быть той женщиной, которую называют его матерью [7, с. 261]. Не ясно, как первая жена Ярослава, мать Ильи, могла оказаться в Софийском соборе, построенном лет через 30 после ее смерти, и кому это было нужно – переносить ее прах в новый храм чужой семьи. Можно предположить, что в XV в. лучше знали, кто и где был захоронен. Однако, помимо возможной неразберихи, ошибка уже в том, что эта женщина не могла быть матерью Владимира. Не случайно В.Л. Янин считал ее погребение в соборе «мифическим», а за мать князя принял его супругу [11, с. 139]. Если добавить к этому еще некую жену Ярослава, попавшую в польский плен Болеслава I в 1018 г. в Киеве, то картина с женами Мудрого представляется еще более запутанной [22, с. 329]. Если Титмар Мерзебургский или его информаторы ничего не перепутали, то эта и есть первая жена Ярослава, дальнейшая судьба которой непонятна.

По гипотезе А.В. Назаренко, Илья Ярославич был женат на датской принцессе Эстред (Маргарет), сестре знаменитого в истории Северной Европы англо-датско-норвежского короля Кнуда Великого, но вскоре после этого умер (не позднее конца 1019 г.) [2, с. 179–183, 189]. Известие в труде Адама Бременского о браке Эстред с неким «сыном короля Руси» любопытно, и вот почему. Вначале названы два брака Маргариты, а затем тот самый брак Эстред, не предполагая их тождества. То есть сестра Кнуда Эстред-Маргарита всего была замужем трижды. Далее у Адама Бременского перечислены браки трех дочерей «sanctus» Ярослава Мудрого и даже упомянуты их дети, что показывает хорошую информированность. Однако признать в Эстред жену Ильи Ярославича решительно невозможно. Во-первых, из-за наличия большого числа сыновей Владимира Святославича, которые могли быть потенциальными мужьями Эстред, что не раз отмечалось [28, с. 180; 29, с. 84–85; 3, с. 487–488, прим. 94]. Во-вторых, брак не имеет хронологической привязки, поэтому трудно понять, когда он состоялся и кто из русских князей стал ее супругом. Вообще, представляется, что он был третьим, как бы отделенным от двух других. В этом случае единственным потенциальным супругом Эстред мог быть Мстислав Владимирович Храбрый после примирения с Ярославом и разделом Руси в 1026 г. (для него это мог быть не первый брак), а их сыном Евстафий. Тогда правильнее было бы назвать Мстислава братом короля или королем-соправителем. Если же это первый из браков, то это мог быть кто-то из других сыновей Владимира Святославича, о которых мы мало что знаем.

Почему же это не Илья Ярославич? Это вытекает из его возраста. Кажется, дату его рождения определить не представляется возможным. Если исходить из предполагаемого подлинного возраста Ярослава, время рождения Ильи приходится на время где-то между 1005–1015 гг. Однако, если следовать буквальному прочтению уже приведенного отрывка из списка новгородских князей, то перед нами предстает вполне ясная картина. Идя в Киев, Ярослав оставляет в Новгороде вначале Коснятина «Добрыница», а затем родившегося перед этими событиями сына Илью. Именно указание на факт рождения перед вокняжением хронологически сближает эти известия, в ином случае не было смысла сообщать об этом. Это произошло незадолго до или около 1016 г. Начало правления Ильи, вероятно, пришлось на 1018 г. Ярославу крайне важно было оставить своего сына в Новгороде, который был его ресурсной базой в период борьбы за Киев с Святополком. Смерть Ильи, как представляется, случилась около 1019 г. Эстред никак не могла быть его женой. Княжич был на поколение младше и умер ребенком. Подтверждает короткую жизнь Ильи указание только на его христианское имя (о княжеском имени можно лишь фантазировать), что выглядит понятным в свете его возраста. Такими были княжичи с именами: Ян Святославич, Евстафий Мстиславич и Иракий Данилович – очень вероятно, рано окончившие свои дни [17, с. 68; 16, стб. 150; 20, стб. 732]. О том, что князем в Новгороде могли оставить ребенка, говорят факты XII–XIII вв. Если надо было, там сидели совсем малые дети, как сын владимирского князя Всеволода Большое Гнездо Святослав, трех лет от роду (1200 г.) [16, стб. 412, 415–416], или Ростислав, сын черниговского князя

Михаила Всеволодовича, который, судя по обряду постригов в следующем году, княжил на новгородском столе с двух или трех лет (1229 г.). [14, с. 68, 69]. Наличие посадника Коснятина Добрынича при княжиче подчеркивает его возраст, подобно тому, как Владимир Святославич отправился в 969 г. в Новгород с дядей Добрыней, отцом Коснятина [16, стб. 69]. Именно так трактовал ситуацию М.С. Грушевский: «Ярослав посадил его в Новгороде, перейдя в Киев, очевидно – еще малолетнего, под опекой упомянутого Константина, но он вскоре умер [30, с. 27].

Нет оснований продлевать время жизни Ильи Ярославича до 30-х гг. XI в. [31, с. 69–70]. По крайней мере, попытка таким образом заполнить лакуны новгородских князей и посадников не выглядит убедительной. Если Ярослав временами правил здесь сам, или у киевского князя некого было посадить из родни, или были иные причины не замещать новгородский стол, то это не означает необходимости непрерывного правления там членов династии. Что касается международной конъюнктуры брака Эстред с «сыном короля Руси», то, кажется, будет не совсем правомерным переносить дипломатические отношения зародившихся государств раннего Средневековья на время Венского конгресса или формирования Версальской системы.

Именно в контексте подлинной или ложной ответственности посадника за преждевременную смерть Ильи логично рассматривать постигшую его опалу, заключение, а потом и убийство, как и следует из Новгородской первой летописи. Не стоит забывать статус Коснятина, как близкого родственника правящей династии, влиятельную фигуру, тесно связанную с новгородской элитой. Любопытно, что другие летописи не упоминают имени Ильи Ярославича, ограничиваясь только рассказом о заключении и убийстве посадника. Нам трудно восстановить перипетии новгородских событий, но для Ярослава Мудрого вина двоюродного дяди была очевидна и велика. Более того, «на третье лето» на Оке он приказал казнить заключенного. Возможно, что гибель родственника спустя время произошла в связи с новыми открывшимися обстоятельствами, вызвав приступ гнева киевского князя.

Для потомства Ярослава Мудрого старшим был Владимир, а не Илья [9, с. 85]. Он «выпал» из числа его сыновей как инородный элемент, как стерлась и память о его матери. Поэтому он не упоминается в «Повести временных лет». Более того, как мы видели, счет сыновей Ярослава Мудрого начинается с Владимира, без упоминания Ильи. Это пример невосприятия княжеского потомства от иного брака отца. О чем уже приходилось писать [32, с. 41–43]. Даже в истории с посадником Коснятином имя Ильи, как видим, исчезло почти из всех летописей.

Итак, нет достаточных причин сомневаться в существовании старшего сына Ярослава Мудрого Ильи, рожденного в его первом браке. Его историчность отражена новгородскими источниками, непосредственно связанными с его именем, а дополнительные детали биографии выстраиваются на основании косвенных данных. Его мать – скорее северного происхождения (скандинавы, волжские булгары). Она никак не могла быть похоронена в Новгородском Софийском соборе, так как ее смерть случилась за много лет до начала строительства собора и едва ли кто-то озаботился ее посмертной судьбой. Илья родился

и ребенком стал новгородским князем (ок. 1018 г.). В 1019 г. он умер, а его смерть сыграла роковую роль в судьбе посадника Коснятина Добрынича. Смерть в раннем детстве Ильи делает невозможным его брак с датской принцессой Эстред, русского мужа которой следует искать среди сыновей Владимира Святославича. Очевиден факт замалчивания и неучета второй семьей Ярослава Мудрого Ильи как его сына, что нашло отражение в летописях. Причина тому – происхождение князя от первого брака отца и ранняя смерть без потомства.

Список литературы:

1. Назаренко А.В. О русско-датском союзе в первой четверти XI в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М.: Наука, 1990. С. 167–190.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. 2–3. М.: Наука, 1991. 832 с.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 18 кн. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. 797 с.
4. Літопис руський / пер. з давньорус. Л.С. Махновця; відп. ред. О.В. Мишанич. Киев: Дніпро, 1989. 591 с.
5. Baumgarten N. Genealoges et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siecle // Orientalia Christiana. № 27. Roma: Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1927. 96 p.
6. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1977. 264 с.
7. Войтович Л.В. Княжа доба: портрети еліти. Біла церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 784 с.
8. Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия, 2001. 583 с.
9. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // Религии мира. История и современность / ред. А.В. Назаренко. М., 2002. С. 36–109.
10. Рыздзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв.: материалы и исследования. М.: Наука, 1978. 240 с.
11. Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М.: Наука, 1988. 239 с.
12. Гинзбург В.В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т. 7. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 57–66.
13. Рохлин Д.Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т. 7. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 46–57.
14. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.

15. ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000. 252 с.
16. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
17. ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М.: ЯРК, 2000. 288 с.
18. Абуков С.Н. К вопросу о времени заключения второго брака киевского князя Рюрика Ростиславича // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2019. № 2 (50). С. 4–17.
19. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Изд-во МГУ, 1977. 394 с.
20. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.
21. Тагишев В.Н. История Российская. В 7 т. Т. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 352 с.
22. Бибииков М.Б., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. и др. Древняя Русь в свете зарубежных источников: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. 608 с.
23. Добродомов И.Г. К вопросу о «серебряных булгарах» // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1992–1993 гг. М., 1995. С. 149–154.
24. Ясинецька О. До питання про особливості родоводу давньоруської князівни Марії-Добронегі, дружини правителя Польщі (з 1038/1043–1058 рр.) // Красзнавство. 2016. № 1/2. С. 175–193.
25. Измайлов И.Л. Становление средневековой Волжской Булгарии: от племени к государству // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2. С. 217–242.
26. Славяне и скандинавы: пер. с немецкого / общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. 416 с.
27. Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / под ред. Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 476 с.
28. Сухотин Л.М. Брачные союзы ближайших потомков князя Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938. С. 175–187.
29. Свердлов М.Б. Дания и Русь в XI в. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: сб. ст. / ред. кол.: Н.Е. Носов, И.П. Шаскольский. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1970. С. 81–88.
30. Грушевский М.С. Історія України-Руси: в 11 т. Т. 2. Київ: Наук. думка, 1992. 640 с.
31. Янин В.Л. Новгородские посадники. М.: Издательство Московского университета, 1962. 410 с.
32. Абуков С.Н. Влияние фактора рождения от разных матерей на княжеские отношения Рюриковичей (последняя четверть X – начало XI вв.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2019. № 2 (69). С. 40–44.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Абуков Сергей Навильевич , кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории; Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика). E-mail: legusha@list.ru.	Abukov Sergey Navilyevich , candidate of historical sciences, associate professor of Historiography, Source Studies, Archeology and Methods of History Teaching Department; Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People's Republic). E-mail: legusha@list.ru.

Для цитирования:

Абуков С.Н. Илья Ярославич – забытый сын Ярослава Мудрого // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 220–224. DOI: 10.55355/snv2022111210.